

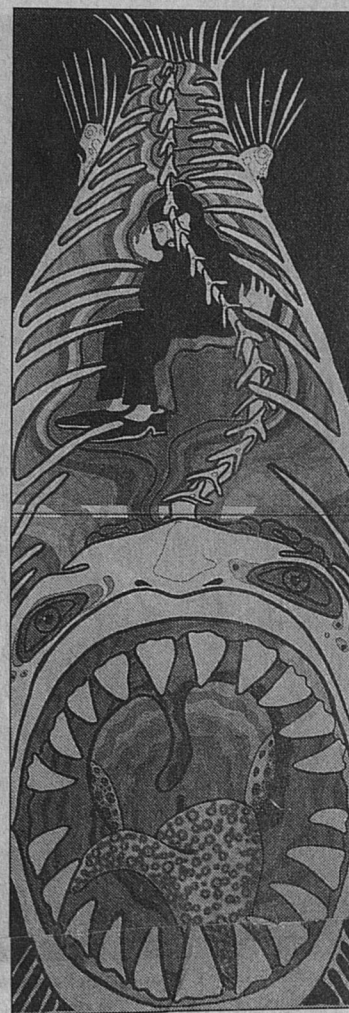
Пеппер – длинный чулок

Сотворение “Битлз” Кати Зюак

“Мы стали популярнее Иисуса”, – сказал однажды Джон Леннон, и американское турне ливерпульской четверки было сорвано. Даже для “Битлз”, взявших на себя роль мессии послевоенного поколения молодежи, это было уже слишком. Столь откровенной гордыни обществу не прощала даже тогда, когда битломаны со всех концов света готовы были учить английский только за то, что на нем разговаривал Леннон.

Потом, годы спустя, как их только ни называли – кумирами, светочами, религией и верой 60-х, но, пожалуй, в радикализме сравнений их самих не переплюнул никто, ну или почти никто, во всяком случае до последнего времени.

Рискнуть решила молодая московская художница Катя Зюак, чья выставка “Мир Торы, или Потерянный рай сержанта Пеппера” проходит в Израильском культурном центре. Почти два десятка работ, выполненных в смешанной технике с применением коллажа, представляют привычный мир Ветхого Завета сквозь не менее привычный мир битломанских образов. Ноев ковчег – это, разумеется, желтая подводная лодка, а Творец и его создания – герои песен и сами “Битлз”. В этом – не столько намеренный эпатаж, сколько искреннее желание получить новые ответы на извечные вопросы, взглянуть на историю человечества с изнанки, убедиться, что старая инвариантная схема все еще действует: подставляй каких душе угодно героев, картина все равно сложится, ведь за пару тысяч лет человек в его пороках и добродетелях не слишком далеко ушел от библейских предков. В рисунках Кати Зюак общечеловеческое предстает в одеждах конкретного времени и места, сквозь национальную идиому проступают коренные измерения жизни как таковой, удел рода людского. Содом и Гоморра, например, в интерпретации нового века оказываются соответственно мужским и женским клубами развлечений. Рай – перенаселенным горными существами мегаполисом, где вызванный этнографической проблемой жесткий трафик призвано хоть как-то урегулировать бесчисленное число налезавших друг на друга специальных “небесных” дорожных знаков. Чрево кита же, похоже, становится единственным оставшимся пристанищем Ионы – эдакого смуглого черноволосого палестинского беженца.

Слева: “Сошествие с небес. Ангел”. Справа: “Иона во чреве кита”

Но ни все это, ни даже тьма египетская не страшны и не трагичны. В ярком мире Зюак всегда есть что-то от озорной Пеппи Длинный-чулок и от самой, даже внешне похожей на своих персонажей художницы.

При всей оригинальности подхода “Битлз” Зюак, в сущности, остаются очень традиционными и безоговорочно английскими. В духе знаменитого мультфильма и легкой кэрролловской иронии. Они вполне годятся, чтобы представлять собой от нашего времени перед вечностью. Но отнюдь не по тем критериям, по которым художники Возрождения писали своих мадонн с хорошеньких соседок, и не в качестве иллюстрации синайской заповеди о несотворении кумира, а просто потому, что

содержание их лирики определено в основном неизменным кругом тем, волновавших человечество и во времена Артаксеркса и царицы Савской, и во времена битловских отца Маккензи и красотки Риты – обворожительной девушки-контролера с платной автостоянки, и сегодня, когда Зюак пытается объединить их в своем творчестве. И если внешне эти “вечные” темы решены в духе стилизованного мировосприятия британского поколения 60–70-х, то за умными схемами и конструкциями Зюак стоят элементарные ценности нормального человеческого бытия, за святынями религиозной традиции – святыни повседневного существования лирического героя, за миром житейской рутины – мир сво-

бодно и прихотливо творимой привязанности. А ведь именно с этого когда-то начали, а точнее, начались “Битлз”.

Работы Кати Зюак отражают еще одно важное свойство современной культуры – ее конформизм и эклектичность, позволяющие не только совместить в рамках одной картины рок-героев второй половины XX века и ветхозаветных персонажей, но и нам, зрителям, свободно расшифровывать произведения в меру своих сил, способностей и ассоциаций. Катя предлагает зрителю войти в мир ее фантазий и продолжить путешествие, руководствуясь импульсом, данным художником.

Павел КИНИН

Культура, 2003, 6-12 марта, с. 8